

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ ЖЕНСКОГО ДИСКУРСА

В статье рассматриваются особенности лексического оформления славяноязычного женского дискурса; интерпретируется выбор женщинами лексикона в зависимости от их социального статуса; осуществляется сравнительный анализ украинско- и русскоязычного феминного дискурса; определяется наиболее распространенный лексикон в репрезентации славяноязычных женщин.

Ключевые слова: славяноязычный женский дискурс, феминный дискурс, лексико-грамматическое оформление речи женщин.

В статті розглядаються особливості лексичного оформлення слов'яномовного жіночого дискурсу; інтерпретується вибір лексикону жінками в залежності від їхнього соціального статусу; здійснюється порівняльний аналіз українськомовного та російськомовного фемінного дискурсу; виявляється найбільш розповсюджений лексикон у репрезентації слов'яномовних жінок.

Ключові слова: слов'яномовний жіночий дискурс, фемінний дискурс, лексико-граматичне оформлення мовлення жінок.

The article deals with the lexical peculiarities of the Slavonic-speaking female discourse; the choice of lexicon by women manifesting different social status is interpreted; the comparative analysis of the Ukrainian and Russian feminine discourse is realized; the most wide-spread lexicon represented by Slavonic-speaking women is specified.

Key words: Slavonic-speaking female discourse, feminine discourse, lexical and grammatical peculiarities of women's speech.

В последнее время значительно возрастает интерес украинских ученых к изучению женского дискурса в связи с интенсивным развитием политических, экономических и культурных контактов Украины и России, в реализации которых женщины принимают активное участие [3]. Украинский и русский языки восходят на новую ступень "сотрудничества" в современных условиях функционирования общества, что обуславливает возросший спрос на специалистов по русскому и украинскому языкам, в том числе и переводчиков.

Феминный дискурс отличается своеобразием лексического, грамматического, синтаксического и фонетического оформления, поскольку он отражает суть обсуждаемой проблемы в понимании женщины и “заранее” настроен на экспрессию эмоционально-оценочного отношения представительниц слабого пола к ситуации в целом [4]. Корректная трактовка смысла “женского послания” способствует предотвращению потенциального конфликта.

Однако на современном этапе подготовки филологов-переводчиков факторы гендерного характера в коммуникативном поведении говорящих не учитываются (об этом свидетельствует отсутствие соответствующих дисциплин в программах и учебных планах языковых вузов). Ознакомление студентов с информацией об особенностях женского коммуникативного поведения в разных сферах жизнедеятельности является объективной необходимостью на современном этапе развития науки и усовершенствования системы образования; гендерная компетенция переводчиков “нацелена” на успешность переговоров и совместной деятельности представителей разных стран и культур.

Актуальность данной работы заключается в недостаточном освещении проблемы функционирования гендерных идентификаторов на лексико-грамматическом уровне оформления речи и степени их отражения в коммуникативном поведении женщин.

Целью исследования является выявление лингвистических разноуровневых маркеров феминной речи в украинском и русском языках.

Достижение поставленной цели потребовало решения следующих *задач*:

- 1) определить особенности лексико-грамматического оформления славяноязычного феминного дискурса;
- 2) исследовать вариативность выбора лексикона женщинами в зависимости от их социального статуса;
- 3) проанализировать и сопоставить украиноязычный и русскоязычный женский дискурс.

Из современной лингвистической литературы известно, что речь женщины колоритная, разноплановая, часто эмоциональная [2]. Кроме того, она (речь) в определенной степени отражает национальное сознание. В диалогах, в отличие от монологов, ярче выражено отношение женщины к ситуации общения за счет употребления лингвистических и паралингвистических средств, так как ход диалогов (или мини-диалогов), развивающихся по определенной

тематике, может иметь непредсказуемый характер (равно как и их окончание). При этом следует отметить, что существуют определенные модели общения в зависимости от социального статуса говорящих [1], где поведение собеседников прогнозируемо. По мнению таких исследователей, как В. Н. Базылев, Н. Курилович, А. П. Мартынюк, М. Хертлейн, Б. Ербург и др., социальный фактор играет одну из главных ролей в оформлении женской речи [5], поэтому целесообразным представляется рассмотреть лексико-грамматические и синтаксические модели диалогического феминного дискурса, в котором женщины-коммуниканты общаются в разных режимах (“равноправие” и “доминирование — подчинение”). Материалом исследования послужили украиноязычные и русскоязычные женские диалоги в форме интервью, представленные в средствах массовой информации.

Лексический уровень предполагает изучение лексикона славяноязычных женщин (нейтральный, литературный, специализированная терминология, разговорный) в возрасте от 25 до 45 лет при общении на бытовую и деловую тематику. Результаты исследования представлены в табл. 1.

Таблица 1

Женский дискурс на лексико-грамматическом уровне, в %

Режим общения коммуникантов, лексика	доминирование		подчинение		равноправие	
	У*	Р	У	Р	У	Р
нейтральная	48	45	50	47	54	57
литературная	7	10	5	8	1	3
разговорная	25	15	35	30	40	35
специализированная терминология	18	29	7	13	1	2
разное	2	1	3	2	4	3

**У — украиноязычные женщины, Р — русскоязычные женщины*

Как видно из данных таблицы 1, самый широкий пласт используемой украино- и русскоязычными женщинами лексики — это нейтральная (вне зависимости от их социального статуса). Женщины-доминанты (40 % и 50 % соответственно) используют нейтральную лексику реже, чем женщины, которые общаются в режимах “подчиненный” (50 % и 47 %) и “равноправие” (54 % и 57 %). Следует отметить, что процент использования нейтральной лексики русскоязычными женщинами несколько меньше.

Второе место в спектре лексических уровней занимает разговорная лексика. Украиноязычные женщины-коммуниканты на данном материале исследования имеют тенденцию чаще использовать разговорную лексику, чем русскоязычные, в том числе и слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Например:

Директор філії банку: Щодо розрахунків, *дівчатка*, ви мали підготувати документацію ще вчора, але жодного звіту...

Касир: Ганна Федорівно, *хвилинку* ... ми перевірємо дані...

Разговорная лексика (встречаются случаи использования слов с низкой стилистической окраской) ярче представлена в режимах “подчинение” (35 % и 30 %) и “равноправие” (40 % и 35 %), в разговоре коллег-подруг, например:

Наталья: Кто же такую чушь придумал? Надеть маскарадные костюмы на корпоратив?!

Анна: А ты чего ожидала от шефа? Получить кучу бабла к празднику? Ага, сейчас...

Разговорная лексика в использовании женщин приобретает определенную коннотацию, нацеленную на произведение разного рода эффекта на “публику”: юмористического, маркирования неграмотности говорящей, незнания терминологии, желания “приблизиться к народу”, “отбросить все условности” и т. д. Русскоязычные женщины-коммуниканты значительно осторожнее в употреблении коллоквиализмов (особенно в режиме “доминирование”), процентные показатели их “увлечения” разговорной лексикой в режиме “равноправие” совпадает с украиноязычным режимом “подчинением” (35 %). Украиноязычные доминантки опережают русскоязычных представительниц в использовании разговорной лексики на 10 % (25 % и 15 % соответственно). Разрыв значителен, хотя статус “доминирование” не дает права собеседницам на частое использование разговорной лексики (сленгизмов, жаргонизмов и т. п.). Режим “подчинение” (35 % — украиноязычные женщины, 30 % — русскоязычные женщины) содержит больший процент разговорной лексики по сравнению с “доминированием”. Такое соотношение позволяет сделать вывод, что женщины-доминантки ведут себя более дипломатично, чем их собеседницы.

Специализированная терминология преобладает в диалогах производственно-деловой направленности в режиме “доминирование — подчинение”. Русскоязычный феминный дискурс в плане использования терминологии превалирует над украиноязычным

(“доминирование” — 29 %, “подчинение” — 13 %, “равноправие” — 2 %). Эта разница особенно ярко выражена на уровнях “доминирование” (18 % — украиноязычные и 29 % — русскоязычные собеседницы) и “подчинение” (7 % — украиноязычные и 13 % — русскоязычные женщины-коммуниканты). Приведем пример из разговора начальника отдела (Марья Петровна) и ее подчиненной (Леночка):

Марья Петровна: Леночка, в договоре необходимо отразить информацию об условиях хранения скоропортящихся продуктов и обязанностях посредников.

Леночка: Будет сделано. На какой период возможно пролонгирование договора?

Режим “равноправие” предполагает использование 1 % и 2 % терминов украиноязычными и русскоязычными женщинами из общего количества лексических единиц, относящихся к разным стилистическим пластам речи, (нейтральная, литературная, разговорная, специализированная лексика).

Литературную лексику чаще используют славяноязычные женщины старшего возраста (40–45 лет) в режиме “доминирование — подчинение” (7 % и 10 %; 5 % и 8 %, соответственно). Выразительность литературного украинского языка демонстрирует отрывок из разговора завуча (Светлана Дмитриевна) и учителя украинской литературы (Валентина Григорьевна):

Світлана Дмитрівна: Новели Стефаніка незаперечно підтверджують ту думку, що у художньому тексті слово, наповнюючись, художньою енергією, стає мікробразом, підпорядковується не лише лінгвістичним закономірностям, а й законам поезики. Тому вивчення слова-образу має бути першим етапом дослідження твору, Валентино Григорівно.

Валентина Григорівна: Це воно так, але крім існуючого ряду проміжних ланок, які ведуть від слова-образу до твору як образної системи. Однієї з них є назва твору..

Интересным представляется тот факт, что, общаясь “на равных” (даже в неформальной обстановке), женщины приводят цитаты из художественных произведений:

Катерина: ... Ну прям как “Я помню чудное мгновенье...”

Марина: Да уж... Влюбленный лирик... А что ты ему ответила? В стихах?

Катерина: В прозе — “Я чувствую себя Наташей Ростовской на первом балу”...

Категория “разное” представлена наименьшим процентным показателем (“доминирование — подчинение” составляет 2 % / 1 % украинско- и русскоязычные доминантки, 3 % и 2 % украинско- и русскоязычные женщины-подчиненные; “равноправие” — 4 % и 3 % украинско- и русскоязычные женщины-коммуниканты). В нее входят различные междометия, модальные частицы, модальные слова, интенсификаторы, вводные слова и неязыковые фонации типа чмокания, покашливания, вокализованных эмоций, шмыганья и т. п. Фиксируются случаи намеренного использования женщинами соответствующих лингвистических единиц и паралингвистических составляющих вышеуказанной категории. Примером этому служит отрывок из диалога давних подруг, не видевших друг друга больше 10 лет:

Лариса: Кх — кх. Не помешала?

Анжела: Вау!!! Кто пришел! Боже, сколько лет? Сколько зим?

Лариса: Десяток будет...

Анжела: Ого! Ужас, как я по тебе соскучилась... Ты помнишь, как мы с тобой... Ух!!!

Таким образом, “женский” лексикон не только иллюстрирует субъективное отношение прекрасного пола к обсуждаемой теме и собеседнице, но и демонстрирует типичные характеристики, свойственные женской речи (см. исследованные категории феминного дискурса в табл. 1). Отличительной чертой речи славяноязычных женщин-коммуникантов можно считать ее грамматически правильное оформление (соблюдение грамматических, морфологических и синтаксических правил).

Анализ материала исследования позволил сделать ряд выводов:

1. Социальный статус представительниц прекрасного пола “диктует” модель коммуникативного поведения собеседников. Лексикон — одна из его составляющих. Нейтральная лексика преобладает в речи представительниц прекрасного пола (и украиноязычных, и русскоязычных), поскольку женщинам, вероятно, представляется возможным передать основное значение содержания “послания” посредством “простых” слов (в отличие от мужчин, которые широко используют стилистически сниженную лексику в целях более яркого описания событий).

2. Большое использование литературной лексики тяготеет в сторону русскоязычных женщин-собеседниц (вне зависимости от социального статуса), что вероятно, обусловлено культурным уровнем развития женского населения в целом в пределах России. Следует иметь

в виду факт сосуществования на территории этой страны большого количества разнообразных культур, накопленного исторического и социального опыта, наличие гендерного подхода в проблемах воспитания и бережного отношения к моральным и духовным ценностям.

3. Несмотря на незначительную разницу в использовании коллоквиализмов украиноязычными и русскоязычными женщинами (40 % и 35 % соответственно), общающимися в равноправных условиях, украинки стараются придерживаться более неформальных норм общения в плане лексического наполнения по сравнению с россиянками.

4. Представляется возможным предположить, что а) русскоязычные собеседницы “плотнее” придерживаются норм речевого поведения, чем украиноязычные”; б) в украинском языке насчитывается значительное количество разговорной лексики вне зависимости от социальной принадлежности женщин-коммуникантов.

5. Русскоязычный феминный диалогический дискурс обладает наивысшими показателями использования специализированной терминологии. Объяснением данного факта служит социологический фактор, т. е. процентное соотношение женщин, “задействованных” в научных, производственных, политических и экономических сферах, больше на территории России, чем Украины.

6. Выражение эмоционально-оценочного отношения женщин к обсуждаемой информации и речевой ситуации в целом осуществляется посредством конститuentов категории “разное” (см. выше). На лексико-грамматическом уровне такое отношение несколько ярче представлено украиноязычными женщинами, которые без веских на то причин пользуются эмоционально окрашенными междометиями, восклицаниями, интенсификаторами и неязыковыми фонациями во всех режимах общения.

Итак, лексическое оформление реплик славяноязычного феминного дискурса имеет свою семантику, которую необходимо корректно трактовать в целях избежания неправильного понимания содержания “послания”. Интерес у языковедов может вызвать параллельное изучение синтаксических моделей женских высказываний и их фонетическое оформление.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Базылев В. Н. Феминолект и маскулилект : модусы существования / В. Н. Базылев, Ю. А. Сорокин // Пол и его маркировка в речевой деятельности / [под ред. Е. Н. Шовгеля]. — Кривой Рог : МИЦ ЧЯКП, 1996. — С. 4–18.

2. Курилович Н. Языковая репрезентация гендера / Н. Курилович // Иной взгляд: Международный альманах гендерных исследований (май 2000). — Минск, 2000. — № 2. — С. 26–27.
3. Основи перекладознавства: Навчальний посібник / За редакцією проф. Нямцу А. Є. — Чернівці : Рута, 2008. — 312 с.
4. Hertlein M. Frauen redder anders / M. Herbert. — Rowohlt, 1998. — 128 S.
5. Yorburg B. Sexual Identity. Sex Roles and Social Change / Betty Yorburg. — New-York; London; Sydney; Toronto : John Wiley & Sons, 1974. — 227 p.